

Ревизионистская революция в историографии русской психологии:

От «репрессированной науки» и «теории деятельности» к транснациональной истории интегративной психологии¹

Антон Ясницкий

(Торонто, Канада)

Содержание

Конец эпохи «репрессированной науки»	1
Революция в современном выготском ведении	12

Конец эпохи «репрессированной науки»

Современная историография русскоязычной психологии стоит сегодня на пороге великих открытий. По всей видимости, пожалуй, следует даже говорить о начале парадигматического сдвига в историографии наук о человеке, состоявшемся уже несколько десятилетий назад в западной историографии, и с некоторым запозданием дошедшем и до Восточной Европы. Тектонический сдвиг в этой области знания связан в первую очередь с переходом с одной, старой и традиционной модели описания исторических процессов к другой, сравнительно более новой модели, но на самом деле насчитывающей уже несколько десятилетий в истории своего развития.

Традиционная модель — это модель описания советской науки, зародившаяся в американской историографии в начале Холодной войны, подчеркивавшая одностороннее и однонаправленное влияние государства на человека и общественные институты. Отношения власти с обществом, в частности, с наукой и научным сообществом, согласно этой модели, описывались в категориях «подчинения», «подавления», «унижения» и «уничтожения» и, с другой стороны, «сопротивления», «противодействия» и «сопротивления». Неудивительно, что наиболее характерным (и наиболее излюбленным) эпизодом в истории советской науки для историков, работавших в этой парадигме, стала история противостояния двух влиятельнейших кланов внутри сообщества советских биологов и, в частности, эпизод истории сессии ВАСХНИЛ 1948 года, закончившейся победой одного из этих кланов и, формально, «разгромом генетики» в Советском Союзе. По этой модели были выстроены и хорошо известные многочисленные описания «репрессий в науке», а также «разгонов» и «разгромов» тех или иных научных дисциплин

¹ Работа над этим текстом завершена в середине 2013.

в стране, таких как генетика или кибернетика, а в области наук о человеке—педология, психотехника, реактология, или рефлексология. Работы этого направления выделяются значительной эмоциональной окрашенностью дискурса, характерного, с точки зрения стилистики, скорее, для публицистических и агитационных текстов. Еще одним отличительным признаком публикаций в этом жанре академического письма является оценочность и бинарная противопоставленность основных понятий и категорий, переходящих зачастую в обсуждение этических вопросов за пределами научно строгого собственно исторического исследования.

С другой стороны, ревизионистская традиция в советологии, заложенная в работах Шейлы Фитцпатрик и др., возникла в 1970е годы внутри традиционной «репрессивной» модели в значительной мере как реакция на эту традицию и в качестве антитезы к ней. Не принижая роли процессов централизованного контроля и партийно-государственного управления в Советском Союзе по социальной вертикали, условно говоря, «сверху-вниз» (top-down processes), эта модель, включила в фокус рассмотрения также и низовые процессы и социально-культурную динамику по вертикали в направлении «снизу-вверх» (bottom-up processes). В области науковедения и истории науки в России эта традиция историографического исследования была впервые подхвачена в работах целого ряда молодых исследователей в конце 1980х-начале 1990х Д.А. Александрова и Н.Л. Кременцова², а вслед за ними развита в исследованиях и других историков науки, таких как А.В. Кожевников³, М.Ю. Сорокина⁴, К.О. Россиянов⁵, В.А. Герович⁶, А.Н. Дмитриев⁷,

² Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле // Вопр. истории естествознания и техники. 1989. № 4; Александров, Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914—1940 // ВИЕТ, 1996, № 3, с. 3-24, см. в Интернете <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/alex93v.htm> ; Кременцов, Н.Л. От сельского хозяйства до... медицины // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, с.91-113, см. в Интернете <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/krem91os.htm> ; Кременцов, Н.Л. Равнение на ВАСХНИЛ // Репрессированная наука. Вып.2. СПб.: Наука, 1994, с.83-96, см. в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/krem94os.htm> ; Кременцов, Н.Л. «Американская помощь» в советской генетике, 1945—1947 // ВИЕТ, 1996, № 3, с. 25-41, см. в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/krem96v.htm> ; Кременцов, Н.Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе: советская биология в 20х—30-х гг. Вып. 1. / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997, с. 107-164, см. в Интернете <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/naperelome/1/107-164.pdf>

³ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947-1952 гг. // ВИЕТ, 1997, 4, с.26-58, см. в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viet/1997/4/26-58.pdf> ; Кожевников А.Б. О науке пролетарской, партийной, марксистской // Метафизика и идеология в истории естествознания. Отв. ред. А.А.Печенкин, М.: Наука, 1994, с.219-238; Kojevnikov A. President of Stalin's Academy // ISIS, v.87, p.18-50 (1996); Кожевников, А.Б. Ученый и государство: феномен Капицы // Философские исследования, 1993, № 3, с.418-438; см. в Интернете <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/koi93sp.htm>

⁴ Сорокина, М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX-XX вв. Материалы научной конференции. СПб.: Нестор, 1997. С. 248-254; см. в Интернете <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/sork97n.htm>

⁵ Россиянов К.О. Сталин как редактор Лысенко (к предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ) // Вопросы философии, 1993, 2, с.56-69, см. в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/1993/2/56-69.pdf> ; Rossianov K. Editing Nature: Joseph Stalin and the "New Soviet Biology" // ISIS, 1993, vol.84, p.728-745 ; Россиянов К.О. Опасные связи: И. И. Иванов и опыты

и др., в работах которых все объемнее проступают очертания исторических событий и процессов в науке советского периода. Все эти исследования и составляют суммарно тот парадигматический сдвиг в историографии науки, который существенно изменил наши представления о науке как локального, национального и международного явления в неразрывном единстве теории, методологии, экспериментатики, и общественной практики, рассматриваемых с точки зрения взаимосвязи интеллектуальной, политической, социальной и культурной составляющих этого явления. При этом следует отметить, что за последние четыре десятилетия ревизионистская советология и историографии России — и, соответственно, историография науки в Восточной Европе — претерпела ряд изменений и далеко вышла за рамки, обозначенные в первых работах ревизионистского направления Ш. Фитцпатрик и ее единомышленников: предельно сжатый, но при этом образцовый обзор исследований, представляющих собой современную пост-ревизионистскую историографию см. в недавней работе А.Н. Дмитриева «"Академический марксизм" 1920-1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства»⁸.

Таким образом, смену парадигмы исторического мышления в исследованиях истории России и, в частности, в историографии российской науки нельзя не признать свершившимся фактом. В этой связи обращает на себя то досадное обстоятельство, что основной поток исследований новой, ревизионистской и постревизионистской волны был проведен историками таких научных дисциплин как биология и биомедицинские науки, физика и кибернетика. Отчасти это движение затронуло общественные науки и дисциплины гуманитарного спектра. При всей их несомненной важности в деле изучения закономерностей функционирования советской науки в целом и раскрытии определенного ряда тем в науках о человеке, следует признать, что история советской психологии, шире, история психоневрологии и человековедения, до сравнительно недавнего времени

скрещивания человека с человекообразными обезьянами, Вопросы истории естествознания и техники, 2006, №1, с. 3-51 см. в Интернете: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/IVAPITEK.HTM> или <http://www.vokrugsveta.ru/authors/10/>; Beyond Species: Ilya Ivanov and His Experiments on Cross-Breeding Humans with Anthropoid Apes, Science in Context, 2002, vol. 15, pp. 277-316

⁶ Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002; Герович В.А. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // Неприкосновенный запас, №1 (75), см. в Интернете: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/ge4.html>

⁷ Дмитриев А. Н. "Академический марксизм" 1920-1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. № 88. 2007. С. 10—38, см. в Интернете <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2.html>; Дмитриев А. Н. Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией // Философско-литературный журнал "Логос". 2010. № 2. С. 105-121, см. в Интернете http://www.intelros.ru/pdf/logos/2_2010/8.pdf; Дмитриев А. Н. "Ученый совет при Чингисхане": поэтика и риторика постсоветского академического мемуара // Труды Русской антропологической школы. 2012. № 11. С. 80-100, см. в Интернете <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/13709214186adb05d68c21eace6d4fc815b00d275b/Труды%20РАШ%2011.pdf>

⁸ Статья вышла в журнале Новое литературное обозрение в 2007. См. также в Интернете: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2.html>

практически так и не получила своего развития в историографических исследованиях, проведенных на современном уровне развития этой дисциплины как в России, так и за ее рубежом.

И в самом деле, традиционная официальная историография советского периода с ее неизменным акцентом как на материалистических и физиологических основах «прогрессивной» и «исключительной» русскоязычной психологии, восходящей к трудам русских физиологов И.М. Сеченова (1829-1905), И.П. Павлова (1849-1936) и др., так и на «марксистских основах» этой науки сменились в 1980е годы (период «перестройки» в СССР) работами иного плана, которые можно, пожалуй, с некоторой натяжкой в целом охарактеризовать как историография «репрессированной науки». Это выражение восходит к работам, по выражению авторов недавней публикации по истории психологии в России⁹, «реформистски настроенного» (reform-minded) М.Г. Ярошевского, который и ввел эту фразу в научный оборот. Примечательно при этом то, что в работах, выполненных в России этом ключе, фактически стала воспроизводиться традиционная для североамериканской историографии модель истории науки в СССР, развивавшаяся с самого начала Холодной войны (т.е., с конца 1940х годов). В этом свете очень показательным является глубинное сходство историй «репрессированной науки» перестроечной поры в Советском Союзе и их западных традиционных аналогов, примером чему является работа Д. Джоравски, остающаяся, пожалуй, вплоть до наших дней самой подробной англоязычной историей советской психологии¹⁰. Впрочем, заметны и различия. Так, к примеру, в работах Ярошевского, несмотря на их заявленный «реформизм» и демонстративно «анти-марксистскую» и анти-этатистскую направленность, продолжали отстаиваться традиционные для советской вульгарно марксистской и изоляционистской историографии положения о материалистически-физиологических основах «самобытной» русской психологии, о «русском пути» и «исконно русских корнях» в работах Отцов-Основателей этой научной дисциплины¹¹. В других работах этого направления физиологический редукционизм сменяется спиритуалистическим, и на первый план выступают уже рассуждения о духовности, нравственности и уникальности индивидуального человеческого бытия в традициях работ таких авторов как Г.И. Челпанов (1862—1936) или Г.Г. Шпет (1879—1937). Впрочем, и здесь изоляционистские тенденции в подаче материала превалируют в ущерб

⁹ См. Sirotkina, I. & Smith, R. Russian Federation // The Oxford Handbook of the History of Psychology : Global Perspectives. New York: Oxford University Press, 2012. Pp. 412-442

¹⁰ См. Joravsky, D. (1989). Russian psychology. Cambridge, MA: Basil Blackwell.

¹¹ См., напр., Ярошевский, М.Г. Л.С. Выготский - жертва "оптического обмана" // Вопросы психологии. – 1993. – №4. – С. 55-61, см. в Интернете <http://www.voppsy.ru/issues/1993/934/934055.htm> ; или Ярошевский, М.Г. Новаторство И.М. Сеченова: историческая реальность или 'сталинистская фикция'? (Ответ американскому советологу Д. Джоравски) // Вопросы. – 1994. – №6. – с. 87-99, см. в Интернете <http://www.voppsy.ru/issues/1994/946/946087.htm> ; Ярошевский, М.Г. Наука о поведении русский путь // Вопросы психологии. - №5. – 1995. – С. 89-93, см. в Интернете <http://www.voppsy.ru/issues/1995/954/954005.htm>

критическому обсуждению реальной роли и места наследия этих авторов в богатейшем историческом и культурном контексте международной психологической науки.

И все же, несмотря на доминирование модели «репрессированной науки» в большинстве исторических исследований советской психоневрологии вплоть до наших дней, нельзя не отметить некоторые попытки исторического ревизионизма в более ранних публикациях, вышедших эпизодически наряду с «реформистскими» перестроечными историями начиная с начала 1980х г. в Советском Союзе и, затем, Российской Федерации. Так, к примеру, еще в 1981 г. в своей поразительно современно звучащей работе «Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии»¹² ее авторы В. В. Лучков и М. С. Певзнер подчеркивали: «Трудам Л.С. Выготского не слишком повезло в научном литературоведении: сначала их долго не печатали и не читали. Потом напечатали в скромном объеме и избирательно, а прочитали через призму тех модификаций его взглядов, которые сложились за десятилетия, прошедшие после его смерти, т. е. прочитали неполно и пристрастно». Более того, говоря о «пристрастных интерпретациях Выготского и столь же пристрастных реакциях на такие интерпретации», эти авторы подчеркивают, что «вызывает сомнение корректность [такого] названия теории деятельности [как] «теория деятельности Выготского—Леонтьева—Лурии», равно как и, вообще, выстраивание в линию трех названных фамилий применительно к этой теории. Более того, в последнее время в школе Леонтьева стало принятым говорить и более широко о «школе Выготского— Лурии—Леонтьева» (см., например, Зинченко, 1981), что, по нашему мнению, также неправомерно». Наконец, авторы постулируют следующее: «наш вводный тезис сводится к утверждению необходимости максимально развернутой реконструкции теоретических взглядов Выготского — к созданию «выготсковедения» как актуальнейшего теоретического направления в развитии советской психологии. На этом пути необходимо получить ответ на целый ряд вопросов, попутно преодолевая начинающие складываться мифы о Выготском. В первую очередь нас должны интересовать, по меньшей мере, ответы на следующие вопросы: 1) как следует изучать Выготского? 2) что сделал в психологии и чему научил психологов Выготский?»

Эти важнейшие положения статьи В.В. Лучкова и М.С. Певзнер перекликаются с другими критическими оценками не только положения дел в историографии, но и уровня теоретического развития русскоязычной психологии, которые мы находим в работах других авторов. Так, например, Л.А. Радзиховский в своей статье, вышедшей в 1988 г. в журнале «Вопросы психологии» под названием «Дискуссионные проблемы марксистской

¹² Лучков В. В., Певзнер М. С. Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии. — Вестник МГУ. Серия 14. Психология, № 4, с. 60—71, см. в Интернете http://www.psy.msu.ru/science/luchkov/books/i_250-297.pdf или <http://leochuprov.narod.ru/psychologicalarchive.html>. См. тж. недавнюю перепечатку этой публикации в журнале Дефектология. - 2011.-№1. - С. 3-15.

теории в советской психологической науке»¹³ отмечает, что в целом ряде психологических исследований советской поры «философские положения классиков марксизма (о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, об отражательной функции психики, о социальной сущности человека и т.д.) существовали, как правило, сами по себе, а данные конкретных психологических экспериментов, их задачи, методы, интерпретация полученных результатов — сами по себе. Связь первого со вторым определялась логически совершенно необязательным союзом «и». Философская часть этих работ и их реальное психологическое содержание выполняли совершенно разные функции, несли разную смысловую нагрузку, формулировались на разных языках. Философский и конкретно-психологический планы анализа оставались фактически автономными». Далее этот автор подчеркивает, что «позитивное методологическое значение работ первых психологов-марксистов заключалось в том, что они позволили осознать и, следовательно, поставить проблему соотношения этих двух планов анализа. Именно эта ключевая методологическая проблема оказалась в центре внимания Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна. Каждый из них в конце 20-х — начале 30-х гг. сформулировал свое понимание этой проблемы и показал значение марксизма для развития советской психологии. К сожалению, их методологический поиск не получил впоследствии должного развития». Наконец, Радзиховский проницательно отмечает: «марксистскую психологию начали интенсивно разрабатывать, но в 40—70-е гг. существенного углубления в этом вопросе достичь не удалось. В самом деле, не случайно ведь советские психологи в своих методологических рассуждениях неизменно возвращаются к работам Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна, написанным еще в 20—30-е гг. Очевидно, что с тех пор равнозначных теоретических решений поставленных тогда методологических проблем в советской психологии так и не создано. Другое дело — как оценивать сами эти решения. Здесь можно видеть проработанный, логически законченный вариант (варианты) марксистской методологии психологической науки, а можно — лишь первые подступы к проблеме».

В этом контексте нельзя не упомянуть работы А.М. Эткинда, например, его статью 1990 г. «Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов»¹⁴. В этой работе на конкретном примере педологии представлена интересная, хотя и эскизная попытка дисциплинарной истории советской психологии в довоенный период, в целом относительно свободная от догмата о «репрессивности» власти в ее отношениях с научным сообществом: «Форсированный характер политических изменений прямо влияет на процессы, происходящие в научном сообществе. Это влияние идет не

¹³ См. Радзиховский Л. А. Дискуссионные проблемы марксистской теории в советской психологической науке // Вопр. психологии. 1988. № 1. С. 124— 131, см. в Интернете <http://www.voppsy.ru/issues/1988/881/881124.htm>

¹⁴ Эткинд, А.М. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. — 1990. — №5. — С. 13-22, см. в Интернете <http://www.voppsy.ru/issues/1990/905/905013.htm>

только через репрессии, хотя последние ставят во многих из разворачивающихся сюжетов окончательную и в определенном смысле законченную точку». О том, что влияние «идет не только через репрессии» и что оно вовсе не обязательно негативное Эткинд напоминает читателю, когда описывает степень размаха педологического движения в стране, развернувшегося в 1920е годы по всей стране при всемерной финансовой, политической и административной поддержке правительства большевиков: «Нам трудно уже понять те надежды, которые возлагало на педологию новое руководство страны. К науке вообще относились как к могучей магической силе, которая может кратчайшим образом решить проблемы». Применительно к наукам человеке, исключительно важен один из основополагающих тезисов, без которого вообще практически невозможно понять инновационный смысл уникального научно-политически-практического проекта наук о человеке в Советском Союзе: «Новая наука о человеке — это и есть наука его переделки. Вопрос «что это?» отныне и надолго вперед заменяется вопросом «как это переделать?». Все внутреннее, стабильное, недоступное влиянию извне объявляется несуществующим или отжившим, неважным, лилипутским; главным и единственно важным признается процесс развития под влиянием внешних условий». Таким образом, в результате социального запроса на инновацию и установки на утилитарность «формируется множество прикладных отраслей науки и новые области практического ее использования. В гуманитарной области это педология, психотехника, педагогика.»

С другой стороны, вполне в духе ревизионистских работ по истории других научных дисциплин Эткинд интерпретирует историю педологии как результат низовой инициативы совокупности отдельных исторических персонажей и научных деятелей, как массовое, демократическое движение и подчеркивает, что оно «развивалось в большей степени снизу, чем сверху». Основным механизмом такого развития является самоорганизация научного сообщества: «Профессиональное сообщество самоорганизуется, идет естественный процесс формирования коллективных субъектов научной деятельности — обществ, ассоциаций». Исключительно важно при этом понимать, что отношения интеллигенции и власти гораздо точнее описываются не в категориях оппозиционности, враждебности и противостояния, как это традиционно принято в американских исследованиях советской науки периода Холодной войны или в российских исследованиях «репрессированной науки» периода перестройки, а в категориях сотрудничества, кооперации и компромисса между политическими задачами властной элиты и научно-исследовательскими и карьерными интересами научной элиты: «Для тех социальных групп, из которых новая наука, как тогда говорили, набирала свой «кадр», было характерно прежде всего восторженное принятие новой власти». Описывая новое, послереволюционное поколение советских ученых, Эткинд подчеркивает «многие черты, свойственные ученым 20—30-х гг.: их подготовка в рамках серьезной науки и глубокая связь с ней, их искренняя вовлеченность в чарующую атмосферу социальных преобразований, далеко идущая готовность поставить свою науку на службу власти и трагическое непонимание складывающейся в стране реальности».

Говоря о начале спада или, как это принято квалифицировать в традиционных работах модели Холодной войны, «разгрома» и «ликвидации» прикладных психологических исследований в стране, Эткинд вполне в ключе тезиса о конкурентной борьбе за финансирование и ресурсы между представителями смежных научных дисциплин¹⁵ описывает процессы критики и самокритики, развернувшиеся в научном сообществе после сталинского Великого перелома начиная с 1929 г. и проходившие в годы первой пятилетки, как результат низовой инициативы тех или иных научных деятелей (таких как А.Б. Залкинд и др.) и характеризует этот процесс как «кампанию взаимного самоуничтожения». С опорой на конкретные документальные материалы Эткинд корректирует традиционную хронологию «репрессивных» процессов и сдвигает срок «разгрома психотехники» с 1936 года (т.е. когда вышло хорошо известное Постановление ЦК ВКП(б) от 4.07.1936 о педологических извращениях в системе Наркомпросов¹⁶) на более ранний срок: «В октябре 1934 г. вся разветвленная система психотехнических учреждений была разгромлена, приказом Совнаркома были ликвидированы 29 научно-исследовательских институтов, журнал «Психотехника» был закрыт.» Очевидно, что в свете этого положения и принимая во внимание то обстоятельство, что за два года до этого, в 1932 г., были закрыты два других профильных журнала психологической направленности, журналы «Психология» и «Педология», существенно меняется перспектива на причины и механизмы контроля над научно-практическими психоневрологическими мероприятиями в стране, так и по сей день остающиеся не раскрытыми в работах, выполненных в традиции «репрессированной науки».

Итак, как мы видим, исследования, развивавшие те или иные принципы и подходы ревизионистской историографии выходили в Советском Союзе еще в 1980е и в 1990е годы в условиях доминирования модели «репрессированной науки». Характерна при этом рецепция и реакция на эти исследования со стороны историографического мейнстрима того времени. В качестве иллюстрации рассмотрим историю одной публикации. В 1993 г. в журнале «Вопросы психологии» вышла еще одна статья А.М. Эткинда, посвященная исследованию биографии и научного наследия Л.С. Выготского и содержащая ряд критических—небесспорных, но, тем не менее, несомненно весьма интересных—положений¹⁷. Этот ревизионистский текст, опубликованный под названием «Еще о Л.С. Выготском: Забытые тексты и найденные контексты», рассматривает среди прочего еврейские корни Выготского, роль еврейского культурного наследия и культурной

¹⁵ Ср. «принцип конкурентного исключения» в историографии науки в Кременцов, Н.Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе: советская биология в 20х—30-х гг. Вып. 1. / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997, с. 107-164, см. в Интернете

<http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/naperelome/1/107-164.pdf>

¹⁶ См. полный текст постановления в Интернете

[http://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ЦК_ВКП\(б\)_от_4.07.1936_о_педологических_извращениях_в_системе_Наркомпросов](http://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ЦК_ВКП(б)_от_4.07.1936_о_педологических_извращениях_в_системе_Наркомпросов)

¹⁷ См. Эткинд А.М. Еще о Л.С. Выготском: Забытые тексты и найденные контексты // Вопросы психологии, 1993, № 4, с. 37-55, см. в Интернете <http://www.voppsy.ru/issues/1993/934/934037.htm>

традиции Серебрянного века в становлении этого научного деятеля, его отношение к психоанализу и некоторым его представителям, и влияние на Выготского идей большевистского лидера Льва Троцкого и его ницшеанского утопического проекта создания «сверхчеловека» коммунистического будущего. Наконец, завершается эта публикация таким восхитительным по своей полемичности ревизионистским выводом: «Л. С. Выготский не был одиноким героем из ницшеанско-большевистской мифологии; тем более не был он мессией, ниоткуда явившимся спасти психологию и сразу нашедшим в ней верных апостолов. Это был человек культуры, интеллектуал, действовавший в основном русле современных ему эстетических, философских, политических и просто жизненных идей. Не родоначальник новых принципов, взявший их из недр своей одаренности, а один из представителей самых модных течений, владевших умами своего поколения. Не вундеркинд, родившийся марксистом, а литератор пост-символистской эпохи, пришедший к психологии и марксизму по сложным и характерным путям. Не “Моцарт психологии”, а человек своего времени, удачно приложивший его культурный опыт в новой и неожиданной области».

Реакция на эту работу последовала незамедлительно, и уже в том же номере журнала была опубликована развернутая рецензия М.Г. Ярошевского, вышедшая под красноречивым заголовком «Л.С. Выготский - жертва "оптического обмана"»¹⁸. В этой статье ведущего специалиста по «репрессированной науке», написанной с юношеским задором в лучших традициях ранних полемических работ этого автора, таких как «Кибернетика — «наука» мракобесов»¹⁹, представлен отзыв на статью Эткинда, которая, по словам автора рецензии, «скажу прямо, ввергла меня в состояние шока». В ответ на ревизионистские выводы Эткинда, судя по контексту презентации, рецензия в принципе заведомо отвергает саму возможность того, что «придется радикально переоценить не только вклад Л. С. Выготского и его школы — весь облик советской психологии обретет новые контуры, ибо этому вкладу и этой школе, как известно, принадлежит в ней достаточно влиятельная роль». Далее, все в том же эмоциональном и несколько неформальном стиле, характерном как для этого конкретного автора, так и для ряда других работ в традиции «репрессированной науки» в целом, Ярошевский критикует разбираемый текст за некоторые неточности, отсутствие научной строгости в обращении с фактографией, ряд вольностей в интерпретациях, и, наконец, очевидно в свете полемики с размышлениями Эткинда о еврейских корнях в творчестве Выготского, приходит к выводу, что «учение Л. С. Выготского сложилось и развилось на почве русской культуры, было плоть от плоти ее порождением, сфокусировавшим сквозь ее традиции и запросы несколько линий развития мировой научно-психологической мысли».

¹⁸ Ярошевский, М.Г. Л.С. Выготский - жертва "оптического обмана" // Вопросы психологии. – 1993. – №4. – С. 55-61, см. в Интернете <http://www.voppsy.ru/issues/1993/934/934055.htm>

¹⁹ Ярошевский М. «Кибернетика — «наука» мракобесов», «Литературная газета», 1952, 5 апреля. № 42(2915), стр.4

Таким образом, ревизионистские исследования по истории психологии время от времени выходили из печати на протяжении периода 1980х-2000х, но до недавнего времени были представлены лишь единичными работами, выпадавшими из общего мейнстрима историографии «репрессированной науки». С середины первого десятилетия 2000х г. наметилась новая тенденция, которая в достаточно короткие сроки радикально изменила расстановку сил в историографии русской психологии и позволяет нам говорить о наступающей полномасштабной ревизионистской революции и постепенной смене исследовательской парадигмы в историографии русской психологии. И в самом деле, публикации последнего десятилетия внесли ощутимый вклад в создание новой историографии русскоязычной психологии. Наиболее часто эти публикации выходили в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека “Дубна”», что выводит эти периодические научные издания на передовые позиции в деле поддержки и распространения ревизионистской историографии отечественной психологии. Что примечательно, ревизионистская революция выходит за пределы какой-либо одной отдельно взятой страны и охватывает собой исследователей из России, Северной и Южной Америки, Западной Европы, Африки, а также с Ближнего и Дальнего Востока. Более того, значительная географическая отдаленность этих нередко взаимосвязанных и кооперирующихся авторов естественным образом предопределяет не только транснациональный характер их практической научной работы, но и теоретическую перспективу. И в самом деле, по контрасту с работами, проведенными на локальном материале, эти исследования зачастую исходят из того, что наука в своей основе принципиально транснациональное явление, а границы научных теорий практически никогда не совпадают с государственными границами стран и административных образований. В результате этого мы становимся свидетелями растущего числа исследований где транснациональная история является основной темой исследования, либо транснациональные контакты, миграция и циркуляция научного знания лежит в основе всего исследования.

Следует также отметить, что — в отличие от ревизионистского поворота в советологии и истории СССР 1970х — ревизионистское движение, о котором идет речь в этой статье, представлено не только и не столько историками науки, сколько психологами, педагогами и другими специалистами, стремящимися к адекватному пониманию тех научных теорий и практик, которые традиционно ассоциируются с всемирно известными достижениями советской психологии. Таким образом, неслучайно, что значительная доля ревизионистских исследований посвящена научному творчеству и биографии Льва Семеновича Выготского (1896-1934), остающегося, пожалуй, самым известным во всем мире и воистину наиболее часто цитируемым в русскоязычном психологом в наши дни. Тем не менее, ревизионистская литература последнего времени не ограничивается лишь вопросами творчества и деятельности Выготского и выходит далеко за их пределы. В целом, можно наметить три основные широкие темы исследований в современной

ревизионистской традиции. Любопытно, что в большей или меньшей степени эти три взаимосвязанные темы можно обнаружить еще в русскоязычных публикациях позднесоветского периода. Более того, мы можем даже сказать, что современные работы — осознанно или случайно — являются прямым развитием тех вопросов, которые были поставлены в рассмотренных выше текстах В.В. Лучкова и М.С. Певзнер (1981), Л.А. Радзиховского (1986) и А.М. Эткинда (1990, 1993).

Революция в современном выготсковедении

Первая тема—«выготсковедение» (о необходимости создания которого заявляли еще В.В. Лучков и М.С. Певзнер, 1981), которое в значительной мере задает вектор развития всего ревизионистского направления в историографии русской и советской психологии. До недавнего времени наиболее ярко это направление было представлено англоязычными работами исследователей из Северной Америки и, несколько в меньшей степени, из Западной Европы.

Один из самых ранних критических пассажей в адрес западного выготскианского наследия прозвучал в книге Яана Валсинера в 1988 и, к сожалению, не утратил своей актуальности вплоть до наших дней. Более того, думается, это рассуждение в равной мере приложимо и к описанию состояния дел в современной русскоязычной психологии: «Интерес современных психологов к идеям Выготского в самом деле парадоксален. С одной стороны, его работы, казалось бы, растут в популярности в Европе и Северной Америке. С другой стороны, однако, вдумчивый анализ и детальное понимание контекста идей Выготского встречается редко... Выготский вызывает впечатление автора, международная известность которого неуклонно растет, при том что его работа остается мало понятой. Корни его идей в западном философском и психологическом дискурсе остаются в основном скрытыми [от его многочисленных поклонников]. Его идеи редко развиваются дальше, либо по теоретической, либо по эмпирической линии»²⁰. В этом контексте и вполне созвучно с русскоязычными ревизионистскими публикациями наподобие В.В. Лучкова и М.С. Певзнер (1981) в англоязычной литературе конца 1980х звучит критика самопровозглашенных «выготскианских» ученых²¹. С начала 1990х значительной критике подвергаются западные версии пост-выготскианского наследия, выполненные, как правило, в традиции так называемой «культурно-исторической теории деятельности» (cultural-historical activity theory, СНАТ), возникшей под впечатлением от импортированного на Запад конструкта советской поры «школа Выготского—Леонтьева—Лурии» и воспроизведенного с характерными мутациями в работах М. Коула, Д. Вертча, У. Энгестрёма и их последователей. Отталкиваясь от таких программных работ как классические монографии А. Козулина²², Р. ван дер Веера и Я. Валсинера²³— отличных по исполнению, но, к сожалению, не избавленных от ряда базовых установок историографии «репрессированной науки» — и отчасти в полемике с ними, целый ряд западных публикаций подверг критике так называемые «нео-Выготскианские увлечения в

²⁰ Valsiner, J. (1988). *Developmental psychology in the Soviet Union*. Brighton, Sussex: Harvester Press, p. 117

²¹ Simon, J. 1987. *Vygotsky and the Vygotskians*. *American Journal of Education* 95 (4):609-613

²² Kozulin, A. (1990). *Vygotsky's Psychology: A Biography of Ideas*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

²³ Valsiner, J. (1988). *Developmental psychology in the Soviet Union*. Brighton, Sussex: Harvester Press; van der Veer, R., & Valsiner, J. (1991). *Understanding Vygotsky. A quest for synthesis*. Oxford: Basil Blackwell; Valsiner, J., and R. van der Veer (2000). *The social mind: Construction of the idea*. Cambridge: Cambridge University Press

современной психологии» (neo-Vygotskian fashions in contemporary psychology)²⁴ или «избирательные традиции» в западном Выготскианском наследии²⁵. Критике подверглось и самое, пожалуй, известное выражение, которое напрямую ассоциируется с вкладом Выготского в мировую науку и зачастую выдается за основное содержание его научной теории: «зона ближайшего развития». Это понятие в его повседневном англоязычном бытовании обсуждалось как «одно из наиболее используемых, но наименее понятых выражений, которые только встречаются в современной учебно-педагогической литературе»²⁶ и подвергалось критике как фраза, которая «использовалась лишь как немногим более, чем модная альтернатива пиажетианской терминологии или понятию IQ для описания индивидуальных различий в наличном развитии или его потенциале»²⁷. В этом контексте прозвучало предложение четко разделять разные культурные и научные традиции и не смешивать несколько аморфное и многозначное понятие «зона ближайшего развития» Выготского с его западными аналогами, известными под именем «the zone of proximal development»²⁸. Эта и подобная ей критика непрерывно нарастала и достигла своего пика в новом тысячелетии. Наиболее часто критике подвергаются многочисленные искажения идей Выготского, пустые и ни к чему не обязывающие «декларации веры» (declarations of faith) в социогенетический принцип развития²⁹, «версии Выготского» (versions of Vygotsky)³⁰, «понятия и выводы странным образом приписываемые Льву Выготскому» (concepts and inferences curiously attributed to Lev Vygotsky)³¹, «множественные прочтения Выготского» (multiple readings of Vygotsky)³², некоторые из которых, как, например, упомянутая выше «теория деятельности» обсуждаются как

²⁴ Van der Veer, R., and J. Valsiner. 1991. *Understanding Vygotsky: A quest for synthesis*. Oxford: Blackwell, p. 1

²⁵ Cazden, C. B. 1996. *Selective traditions: Readings of Vygotsky in writing pedagogy*. In *Child discourse and social learning: An interdisciplinary perspective*, edited by D. Hicks, 165-186. New York: Cambridge University Press

²⁶ Дословно: «one of the most used and least understood constructs to appear in contemporary educational literature». См. Palincsar, A. S. 1998. *Keeping the metaphor of scaffolding fresh - a response to C. Addison Stone's "The metaphor of scaffolding: Its utility for the field of learning disabilities"*. *Journal of learning disabilities* 31 (370-373), p. 370.

²⁷ Дословно: «used as little more than a fashionable alternative to Piagetian terminology or the concept of IQ for describing individual differences in attainment or potential». См. Mercer, N., and E. Fisher. 1992. *How do teachers help children to learn? An analysis of teacher's interventions in computer-based activities*. *Learning and instruction* 2:339-355, p. 342

²⁸ Valsiner, J., & Van der Veer, R. (1993). *The encoding of distance: The concept of the zone of proximal development and its interpretations*. In R. R. Cocking & K. A. Renninger (Eds.), *The development and meaning of psychological distance* (pp. 35-62). Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.

²⁹ Valsiner, J., and R. Van der Veer (2000). *The social mind: Construction of the idea*. Cambridge: Cambridge University Press, p.4

³⁰ Gillen, J. (2000). *Versions of Vygotsky*. *British Journal of Educational Studies* 48 (2):183—198

³¹ Gredler, M. E. 2007. *Of cabbages and kings: Concepts and inferences curiously attributed to Lev Vygotsky* (Commentary on McVee, Dunsmore, and Gavelek, 2005). *Review of Educational Research* 77 (2):233-23

³² van der Veer, R. 2008. *Multiple readings of Vygotsky*. In *The transformation of learning: Advances in cultural-historical activity theory*, edited by B. van Oers, W. Wardekker, E. Elbers and R. van der Veer, 20-37. Cambridge: Cambridge University Press

«тупик» (dead end) для культурно-исторической психологии³³ и, более того, как тупик также и для методологического мышления в психологии культуры³⁴. Некоторые публикации ставят вопрос «читает ли кто-нибудь на самом деле Выготского» (if anyone actually reads Vygotsky's words)³⁵ и «не поздно ли уже понимать Выготского для использования его идей в школьном классе» (too late to understand Vygotsky for the classroom)³⁶, и, наконец, предлагают «перевернуть Выготского с головы на ноги» (turning Vygotsky on his head)³⁷. Воистину жемчужиной в этом ряду критических публикаций является недавний том Роналда Миллера, вышедший под названием «Vygotsky in perspective» (Выготский в перспективе)³⁸, в котором его автор дает подробнейший анализ последних трех глав книги Выготского «Мышление и речь» (1934) с последующей восхитительной — хоть и не всегда бесспорной — критикой ряда западных «выготскианских» учений, наиболее часто ассоциирующихся с научной деятельностью Майкла Коула и Джеймса Вертча. Впрочем, и эта книга не лишена своих, сравнительно малосущественных недостатков³⁹.

Несколько особняком стоят исследования по текстологии англоязычных публикаций Выготского, которое ставит под сомнения не столько идеи и интерпретации, сколько сами тексты Выготского, доступные западному читателю на английском языке. Так, например, недавняя программная работа под названием «Выготский на английском: Что еще нужно сделать»⁴⁰ дала обзор проблем, связанных с переводами текстов Выготского на английский язык. Эти проблемы вызваны отчасти сложностями передачи своеобразного стиля письма этого автора, а отчасти и качеством доступных текстов поздних изданий советского периода, подвергшихся значительной редакции, по всей видимости, в ходе подготовки их к печати в изданиях советского периода. Таким образом, вопросы текстологии переводных изданий Выготского выводят напрямую на еще более острую исследовательскую проблематику: состояние дел с русскими публикациями этого автора, а также текстологию и хронологию его работ. И вот как раз в этой области особенно заметен прорыв, состоявшийся в самое последнее время в таком объеме и с таким

³³ Toomela, A. 2000. Activity theory is a dead end for cultural-historical psychology. *Culture & Psychology* 6 (3):353-364

³⁴ Toomela, A. 2008. Activity theory is a dead end for methodological thinking in cultural psychology too. *Culture & Psychology* 14 (3):289-303

³⁵ Gredler, M. E., and C. S. Schields. 2004. Does no one read Vygotsky's words? Commentary on Glassman. *Educational Researcher* 33 (2):21-25

³⁶ Gredler, M.E. 2012. Understanding Vygotsky for the classroom: Is it too late? *Educational Psychology Review* 24 (1):113-131

³⁷ Rowlands, S. 2000. Turning Vygotsky on His Head: Vygotsky's "Scientifically Based Method" and the Socioculturalist's "Social Other". *Science & Education*, vol. 9, Issue 6, p.537-575

³⁸ Miller, R. (2011). *Vygotsky in perspective*. New York: Cambridge University Press.

³⁹ Yasnitsky, A. (2013), Ronald Miller. *Vygotsky in Perspective*. New York, NY: Cambridge University Press, 2011. 466 pp. \$110.00 (hardcover). ISBN-13: 978-1107001862. *J. Hist. Behav. Sci.*, 49: 108–111. doi: 10.1002/jhbs.21585, см. в Интернете <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jhbs.21585/full>

⁴⁰ van der Veer, R. & Yasnitsky, A. (2011). Vygotsky in English: What still needs to be done. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 475-493, см. в Интернете <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12124-011-9172-9>

размахом, что дало нам основания говорить о полномасштабной «архивной революции»⁴¹, а затем и «ревизионистской революции»⁴² в выготсковедении. И именно здесь работы современных российских исследователей занимают вполне достойное место.

«Архивная революция» в выготсковедении была бы невозможна без огромной работы, проведенной небольшой группой исследователей под руководством Е.Ю. Завершневой. Сравнительно за короткий срок (т.е. начиная с 2006 года) эта группа опубликовала не менее дюжины научных работ, большая часть из которых представляет результаты работы с архивными материалами Выготского, впервые увидевшими свет именно в этих публикациях⁴³. Об огромном международном значении этих исследований, думается, говорит тот факт, что практически все эти исследования к настоящему времени были переведены на английский язык и опубликованы в журнале *Journal of Russian and East European Psychology*. Наиболее полная и постоянно обновляющаяся библиография работ Завершневой на трех языках доступна в Интернете⁴⁴. В этих исследованиях были показаны не только неопубликованные архивные документы самого последнего и наиболее ценного периода творчества Выготского, но и весьма детально описан его ранний период учебы в Москве (1913-1917), послереволюционной жизни и деятельности в Гомеле (1918-1924) и первые годы его карьеры в государственных и академических

⁴¹ Yasnitsky, A. (2010). "Archival revolution" in *Vygotskian studies? Uncovering Vygotsky's archives*. *Journal of Russian & East European Psychology*, Vol 48(1), Jan-Feb 2010, 3-13.

⁴² Yasnitsky, A. (2012). *Revisionist Revolution in Vygotskian Science: Toward Cultural-Historical Gestalt Psychology*. Guest Editor's Introduction. *Journal of Russian and East European Psychology*, 50(4), 3-15.

⁴³ Наиболее значимые работы: Завершнева Е.Ю. «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л.С.Выготского) // *Новое литературное обозрение*, 2007, №5 (85). С.67-90; Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // *Вопросы психологии*, 2008, №1, С. 132-145; Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // *Вопросы психологии*, 2008, №2, С. 120-136; Завершнева Е.Ю. «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского из больницы «Захарьино» (1926 г.) // *Вопр. психол.* 2009. №3. С. 123—141; Завершнева Е.Ю. Исследование рукописи Л.С. Выготского "Исторический смысл психологического кризиса" // *Вопр. психол.* 2009. №6, с. 119 - 138; Ясницкий А., Завершнева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // *Новое литературное обозрение*. 2009. №6 (100); Завершнева Е.Ю., Осипов М.Е. Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского // *Вопр. психол.* 2010. №1. С. 92—103; ван дер Веер, Р. & Завершнева, Е. (2012). «To Moscow with love»: Реконструкция поездки Л.С. Выготского в Лондон // *Вопр. психол.* 2012. №3. С. 89-105; van der Veer, R. & Zavershneva, E. (2011). *To Moscow with Love: Partial Reconstruction of Vygotsky's Trip to London*. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 458–474; Завершнева Е. Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л.С. Выготского // *Вопр. психол.* 2012. №2. С. 79-99; Завершнева Е.Ю., Осипов М.Е. (2012). Сравнительный анализ рукописи "(Исторический) Смысл психологического кризиса" и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л.С. Выготского (1982) под редакцией М.Г. Ярошевского // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal/Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2012, № 3, с. 41-72. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/3/2012n3a3/2012n3a3.1.pdf>; Завершнева Е. (2013). «Молюсь о даре душевного усилия»: мысли и настроения Л.С. Выготского накануне революции 1917 г. // *Вопросы психологии*, 2013. №2, С. 112-132

⁴⁴ См. <http://psyhistorik.livejournal.com/70476.html>

заведениях в Москве (1924-1927). Сравнительно немного было известно до сих пор о раннем этапе жизни и профессионального становления этого научного деятеля, а потому эта серия публикаций вносит значительную ясность в доселе не разъясненные резкие зигзаги в его увлечениях в интервале от штудий в области традиционной еврейской культуры, резкого неприятия социализма и мессианской убежденности в необходимости собственного исторического пути для еврейского народа до страстного увлечения большевистским утопическим проектом трансформации общества и человеческого вида на пути к новому общественному устройству и более совершенному биосоциальному типу, к «сверхчеловеку», несовершенным прообразом которого является наличный homo sapiens. Параллельным курсом шли и другие исследователи раннего периода жизни и творчества Выготского, в своих недавних публикациях показавшие развитие еврейской темы в его мировоззрении⁴⁵ и его участие в художественно-литературном процессе позднего Серебрянного века и первых послереволюционных лет⁴⁶. Что существенно и весьма характерно для ревизионистских работ этого цикла, все они стали возможны на прочной фактографической и документальной основе в виде архивных материалов либо редких оригинальных текстов Выготского его раннего периода 1913-1924 г. Очень многие из этих текстов были недавно опубликованы в виде цикла журнальных публикаций⁴⁷ и факсимильных изданий в рамках текущего проекта по изданию первого полного собрания

⁴⁵ Kotik-Friedgut, B. & Friedgut, T.H. A man of his country and his time: Jewish influences on Lev Semionovich Vygotsky's world view. *History of Psychology*, Vol 11(1), 2008, 15—39.

⁴⁶ Котик-Фридгут Б. Зерна, которые прорастают: обзор ранних журналистских работ Л.С. Выготского (1916-1923) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2011. – № 4, с. 188-197. Электронная версия //

<http://www.psyanima.ru/journal/2011/4/2011n4a6/2011n4a6.pdf> ; Мальцев, В.В. Театр 1920-х годов в оценке Л.С.Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 145-153. Электронная версия //

<http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a4/2012n1a4.1.pdf> ; Маркес П. Читательская критика Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 3, с. 98-106. Электронная версия //

<http://www.psyanima.ru/journal/2012/3/2012n3a5/2012n3a5.2.pdf>

⁴⁷ Выготский Л.С. Ранние работы Л.С. Выготского: литературоведческие заметки и театральные рецензии в газете «Наш понедельник» (Гомель), 1922 г. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2011, № 4, с. 198-223. Электронная версия //

<http://www.psyanima.ru/journal/2011/4/2011n4a7/2011n4a7.pdf> ; Выготский Л.С. Ранние работы Л.С. Выготского: литературоведческие заметки и театральные рецензии в газете «Наш понедельник» (Гомель), 1923 г. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 156-225. Электронная версия //

<http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a5/2012n1a5.1.pdf> ; Выготский Л.С. Ранние работы Л.С.

Выготского: литературоведческие заметки и театральные рецензии в газете «Полесская правда» (Гомель), 1923 г. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 3, с. 114-143. Электронная версия //

<http://www.psyanima.ru/journal/2012/3/2012n3a6/2012n3a6.1.pdf>

сочинений Л.С. Выготского (*PsyAnima Complete Vygotsky project*)⁴⁸, публикация других планируется в самое ближайшее время.

Что касается работ Выготского более позднего периода, то и в этом отношении была проведена большая исследовательская работа в ревизионистском ключе. Так, в серии текстологических работ, посвященных наиболее известным текстам Выготского, были исследованы стилистические особенности, структура, история написания и публикаций, смысловое наполнение, терминологические особенности и т.п. научного дискурса Выготского. В ряде случаев была проведена сверка известных нам по публикациям советского периода версиям текстов с их оригиналами в виде рукописей или прижизненных публикаций. Суммарно, в этих текстах были показаны системные искажения оригинального текста автора, редакторская правка и политически мотивированная цензура, терминологические подмены, и даже фальсификации текстов⁴⁹. В нескольких специальных публикациях была проведена кропотливая работа по сверке разных версий одного и того же текста и восстановлению авторского слова в его оригинальном виде в таких хорошо известных текстах этого автора как «(Исторический) Смысл психологического кризиса» (1926-27)⁵⁰ и «Мышление и речь» (1934)⁵¹. Несколько особый случай представляет собой текст, опубликованный под названием «Орудие и знак в развитии ребенка» в 1984 г. в шестом томе собрания сочинений Выготского, вышедшем под редакцией известного специалиста по творчеству Выготского М.Г. Ярошевского. Как

⁴⁸ Yasnitsky, A. The Complete Works of L.S. Vygotsky: *PsyAnima Complete Vygotsky project* // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 3, с. 144-148. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/3/2012n3a6/2012n3a6.2.pdf>

⁴⁹ Ясницкий, А. «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2011, № 4, с. 1-52. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2011/4/2011n4a1/2011n4a1.pdf>; Кайлер, П. «Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: От мифа (обратно) к реальности // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 34-46. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a1/2012n1a1.2.pdf>; Yasnitsky, A. (2012). Revisionist Revolution in Vygotskian Science: Toward Cultural-Historical Gestalt Psychology. Guest Editor's Introduction. *Journal of Russian and East European Psychology*, vol. 50, no. 4, July-August 2012, pp. 3-15

⁵⁰ Завершнева Е.Ю. Исследование рукописи Л.С. Выготского "Исторический смысл психологического кризиса" // *Вопр. психол.* 2009. №6, с. 119 - 138; Завершнева Е.Ю., Осипов М.Е. Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского // *Вопр. психол.* 2010. №1. С. 92—103; Завершнева Е.Ю., Осипов М.Е. (2012). Сравнительный анализ рукописи "(Исторический) Смысл психологического кризиса" и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л.С. Выготского (1982) под редакцией М.Г. Ярошевского // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal/Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2012, № 3, с. 41-72. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/3/2012n3a3/2012n3a3.1.pdf>

⁵¹ Mecacci, L. & Yasnitsky, A. Editorial Changes in the Three Russian Editions of Vygotsky's "Thinking and Speech" (1934, 1956, 1982): Towards Authoritative and Ultimate English Translation of the Book // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2011, № 4, с. 159-187. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2011/4/2011n4a5/2011n4a5.pdf>

показала серия недавних публикаций авторов из России, США, Канады, Нидерландов, и Кореи, таких как Э. Голдберг, М. Коул, Р. ван дер Веер, Д. Келлогг, А. Ясницкий и анонимный блогер Ренатус, в ходе сверки разных версий текста на двух языках обнаружилось поразительное обстоятельство, что, вдобавок к обычным для изданий советского периода системным искажениям и цензуре текстов Выготского, в данном конкретном случае прибавилось еще осложнение в виде, по выражению Э. Голдберга «невинной подделки» (benign forgery), связанной с переводом этого текста с русского на английский, а затем и обратно — с уцелевшего английского варианта на русский⁵². Кроме того, было показано, что над переводом текста на русский язык работали, по всей видимости, несколько переводчиков, создавших несколько версий русского текста, которые и были продублированы в виде небуквальных повторов значительных сегментов текста в целом ряде параллельных мест в публикации 1984 г. под редакцией составителя, автора послесловия и комментариев доктора психологических наук, профессора М.Г. Ярошевского⁵³.

Вся эта уже проделанная и непрерывно продолжающаяся исследовательская работа расчищает наносы интерпретаций и позволяет нам постепенно избавить нашу исследовательскую оптику от влияния, по выражению В.В. Лучкова и М.С. Певзнер (1981) «призмы тех модификаций его взглядов, которые сложились за десятилетия, прошедшие после его смерти». С другой стороны, этот цикл публикаций дает нам надежные основания для радикального пересмотра понятия «репрессированная наука» и связанных с ним процессов контроля над наукой, таких как подавление свободы самовыражения автора, силовые негативные влияния на научную деятельность, самовольная правка и

⁵² Гольдберг, Э. «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 121-123. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a3/2012n1a3.3.2.pdf>; Коул, М. Комментарии к предыдущим комментариям // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 128-132. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a3/2012n1a3.4.2.pdf>; ван дер Веер, Р. Рукописи не горят, не так ли? // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 139-144. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a3/2012n1a3.5.2.pdf>; Ясницкий, А. «Орудие и знак» Л.С. Выготского как «невинная подделка»: Введение в заочный диалог // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 110-111. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a3/2012n1a3.1.1.pdf>; Ренатус. «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 114-117. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a3/2012n1a3.2.pdf>; Kellogg, D. & Yasnitsky, A. The differences between the Russian and English texts of Tool and Symbol in Child Development. Supplementary and analytic materials // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2011, № 4, с. 98-158. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2011/4/2011n4a4/2011n4a4.pdf>;

⁵³ Ясницкий, А. «Орудие и знак в развитии ребенка»: Самая известная работа Л. С. Выготского, которую он никогда не писал // Методология и история психологии, 7(2), см. текст в Интернете [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2012\)_Orudie'n'znak.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2012)_Orudie'n'znak.pdf)

искажения авторского текста и политически мотивированная цензура. Обильную информацию к размышлению предлагает в этом смысле статья П. Кайлера⁵⁴, в которой ее автор поставил задачу исследования терминологии русской психологии на примере научного наследия Выготского. В своем исследовании Кайлер проанализировал печатные материалы советских психологов, вышедшие на протяжении нескольких десятилетий в Советском Союзе, и сравнил их с прижизненно опубликованными текстами Выготского. Автор пришел к поразительному выводу о том, что целый ряд основных понятий, которые традиционно ассоциируются с наследием Выготского, — такие как «культурно-историческая» теория (или школа) или «высшие психические функции» — на самом деле никогда не встречаются в его работах, более того, были интегрированы в них в посмертных изданиях, очевидно не санкционированных самим автором к публикации в таком виде. В своей работе Кайлер также предпринимает попытку содержательного анализа основы теории Выготского в ее историческом развитии в результате ряда существенных теоретических сдвигов. В этом отношении исследование Кайлера сближается с исследованием А. Ясницкого, вышедшим под названием «"Когда б вы знали, из какого сора...": К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского»⁵⁵, которое представляет собой первый систематический анализ состава и хронологии создания основных работ Л.С. Выготского. В ходе исследования было обнаружено, что некоторые работы, традиционно считающиеся центральными и основополагающими в научном творчестве Выготского, на самом деле их автором были не завершены и не подготовлены к печати. С другой стороны, автор исследования утверждает, что практически не известные работы, но опубликованные при жизни автора, должны быть переосмыслены и включены в корпус важнейших работ Выготского. В заключение, в статье пересмотрены традиционные хронологии создания работ Выготского и предложена новая хронология.

Все эти исследования, представляющие наиболее заметные и актуальные достижения современного ревизионистского выготсковедения, с одной стороны, в известном смысле отвечают на первый вопрос, поставленный в программной статье В.В. Лучкова и М.С. Певзнер (1981), а именно: «1) как следует изучать Выготского?». С другой стороны, ревизионистское выготсковедение при всем его разрушительном потенциале, вполне естественном для любого ревизионистского течения, предлагает также и некоторые

⁵⁴ Кайлер, П. «Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: От мифа (обратно) к реальности // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 34-46. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a1/2012n1a1.2.pdf> ; Keiler, P. „Cultural-Historical Theory“ and „Cultural-Historical School“: From Myth (Back) to Reality // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 1-33. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a1/2012n1a1.1.pdf>

⁵⁵ Ясницкий, А. «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2011, № 4, с. 1-52. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2011/4/2011n4a1/2011n4a1.pdf>

предварительные конструктивные решения в поиске ответа и на второй вопрос, «2) что сделал в психологии и чему научил психологов Выготский?». Так, вполне созвучно с тезисом Выготского о том, что корни индивидуальной психики следует искать за пределами данного конкретного индивидуума, ревизионистское выготсковедение в своем анализе теоретического наследия советской психологии все чаще обращается не к изолированной и одинокой фигуре того или иного отца-основателя, а оперирует такими понятиями, как «научный коллектив», «круг», «кружок», «команда», «группа», «система неформальных личных связей», и т.п., иными словами, берет за основу и единицу анализа не жизнь и творчество отдельного протагониста, а деятельность группы как единого целого⁵⁶. Примером исследований в этом направлении стала разработка темы «круга Выготского» как единицы анализа научной деятельности в единстве личных, общественных, теоретических, идеологических и исследовательских аспектов⁵⁷. Исследования такого рода представляют все еще значительную сложность теоретического, практического и концептуального порядка: существующие схемы и понятия, заимствованные из современной историографии, социологии, психологии и др. общественных и гуманитарных наук не позволяют описать и интерпретировать групповые процессы в науке во всей полноте. Так и здесь: проведенные исследования «круга Выготского» далеки от совершенства и требуют пересмотра и критического развития. Тем не менее, несомненно то, что именно этой области исследований принадлежит будущее в целостной и нередукционистской историографии науки.

Отталкиваясь от этих исследований коллективных процессов и групповой динамики в «круге Выготского» современные ревизионистские исследования все чаще обращаются к творчеству современников Выготского с целью реконструкции его теории в ее наиболее развитых актуальных формах в период 1932-1934 г. и в поисках целостной картины и внутренней логики потенциального развития этой теории, естественным образом прерванного преждевременной, но вполне предсказуемой ранней смертью Выготского. На настоящий момент одним из, пожалуй, самых многообещающих направлений современных и будущих исследований представляется изучение богатых личных, теоретических и исследовательских связей между представителями «круга Выготского» и сравнительно разнородной группой германо-американских исследователей, представителей гештальт-психологии, или же, по выражению Выготского, «структурной

⁵⁶ Ср. Stetsenko, A. & Arieivitch, I. (2004). Vygotskian collaborative project of social transformation: History, politics, and practice in knowledge construction. *International Journal of Critical Psychology*, 12(4), 58–80, см. в Интернете http://twwww.iscar.org/section/chacdoc/Stetsenko_Arieivitch_Vygotsky_collaboration.pdf

⁵⁷ Yasnitsky, A. (2009). *Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education* (Ph.D. dissertation, University of Toronto), см. в Интернете https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/19140/1/Yasnitsky_Anton_200911_PhD_thesis.pdf; Yasnitsky, A. (2011). *Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas*. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 422-457, см. в Интернете [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2011\)%20Vygotsky%20Circle.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2011)%20Vygotsky%20Circle.pdf); Ясницкий, А. *Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и "импорт" психологии // Вопросы психологии. - 2012. - №1. - С.100-112;*

психологии». Недавнее исследование показало интенсивные контакты, множественные связи и постепенное сближение между этими двумя группами ученых на протяжении 1920х-1930х г., что позволило автору говорить о зарождении в этот период «культурно-исторической гештальт-психологии»⁵⁸. При всей дискуссионности и неясности этого утверждения, такой вывод, несомненно, не лишен привлекательности для будущих исследователей этого вопроса.

Еще один острый вопрос современного историко-теоретического выготсковедения касается проблемы преемственности в мысли Выготского. Согласно одной — традиционной — позиции, подчеркивается преемственность в научном творчестве Выготского разных периодов, из чего следует, что вполне уместно представлять развитие его теории как постепенную и планомерную эволюцию. Другую, крайнюю, позицию занимают те авторы, которые бросают вызов постулату о преемственности и, вполне в духе ревизионистского мироощущения, склонны в большей мере фокусироваться на кризисах в мировоззрении Выготского (например, приблизительно 1917-18 или 1929-31 годов, не считая несколько менее значительного кризиса середины 1920х, связанного с переходом с рефлексологической на реактологическую терминологию «инструментального» периода второй половины 1920х), в результате чего акцентируется достаточно резкий разрыв между его теоретизированием механистического «инструментального» периода 1920х и интегративного, «холистического» периода 1930х⁵⁹. Вопрос о преемственности и кризисах в научном творчестве остается открытым и лишь будущие исследования смогут прояснить эту острую проблему современного выготсковедения.

Так или иначе, с теоретической точки исключительно продуктивным представляется синтез идей советского психолога Льва Выготского и его западного коллеги германо-американского ученого Курта Левина (Kurt Lewin, 1890-1947), в эскизной форме был очерчен Е.Ю. Завершневой в ее ранних историко-архивных работах⁶⁰. Детальный анализ

⁵⁸ Ясницкий, А. Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и "импорт" психологии // Вопросы психологии. - 2012. - №1. - С.100-112; Ясницкий, А. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 1, с. 60-97. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2012/1/2012n1a2/2012n1a2.1.pdf>

⁵⁹ См., например, такие исследования самого недавнего времени, как Rey, F. G. (2011). A re-examination of defining moments in Vygotsky's work and their implications for his continuing legacy. *Mind, Culture, and Acitivity*, 18(3), 257-275, см. в Интернете <http://lchc.ucsd.edu/mca/Journal/pdfs/18-3-rey.pdf>; Yasnitsky, A. (2011). *Lev Vygotsky: Philologist and Defectologist, A Socio-intellectual Biography*. In Pickren, W., Dewsbury, D., & Wertheimer, M. (Eds.). *Portraits of Pioneers in Developmental Psychology*, (Vol. 7, pp. 109-134); Yasnitsky, A. (in press, 2014). *Vygotsky, Lev*. In Phillips, D.C. (Ed.). *Encyclopedia of Educational Theory and Philosophy*. Sage Publications: Thousand Oaks, CA, см. текст в Интернете [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2014\)_Vygotsky_Lev_FINAL.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2014)_Vygotsky_Lev_FINAL.pdf).

⁶⁰ Завершнева Е.Ю. «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л.С.Выготского) // Новое литературное обозрение, 2007, №5 (85). С.67-90, см. в Интернете <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/za7.html>; Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные

переклички идей Левина и Выготского был недавно дан этим же автором в готовящейся к публикации обстоятельной историко-теоретической работе⁶¹, демонстрирующей не только взаимодополнительность теоретических программ этих исследователей, но и множественные пересечения экспериментальных исследований и персонального состава участников «круга Выготского» и «круга Левина». Сегодня еще трудно определенно сказать, куда нас заведет синтез идей Выготского с теорией Левина. Тем не менее, думается, уже сейчас становится понятно, что наиболее плодотворной линией развития теоретического выготскианства станет его обогащение понятиями и подходами, рожденными и развитыми в рамках родственных теорий современных европейских и американских психологов, таких как Курт Левин, Курт Коффка, Макс Вертхаймер, Хайнц Вернер, Курт Гольдштейн, и др., чьи «холистические» теории кажутся особенно близкими к мышлению Выготского самого продвинутого в теоретическом плане периода двух-трех последних лет его жизни (1931-1934). Особый интерес в этой связи неизменно вызывает научная карьера и интеллектуальная история мысли А.Р. Лурия в 1930е-1940е годы. Именно в это время Лурия эволюционировал от культурной психологии (наподобие его противоречивых и в научном плане небезупречных Среднеазиатских экспедиций 1931 и 1932 г.⁶²) через исследования близнецов, дефектологию и детскую психиатрию середины 1930х⁶³ к интенсивным штудиям в неврологической клинике второй половины 1930х и в военное время (первая половина 1940х). Именно в этот период были заложены основы луринской нейропсихологии, ставшей классическим и неоспоримым вкладом в развитие этой области знания во всем мире, и представляющей особый интерес в наши дни, когда наблюдается повышенный спрос на научные теории, способные одинаково легко объяснять такие, казалось бы, отдаленные друг от друга явления, как функционирование мозга, история развития человеческой психики в норме и патологии и, наконец, роль общества и культурных факторов в этом развитии. Изучению именно этой проблематики посвящены текущие исследования Х. Проктор и Э. Ламдана, первые результаты которых уже сейчас начинают публиковаться в научной печати.

Этим в целом и завершается обзор основных тем и проблем современного выготсковедения, составляющего основную, но не единственную струю в современном ревизионистском изучении советской и русской психологии в ее историческом развитии. Два других направления были в той или иной мере заявлены в рассмотренных ранее публикациях Л.А. Радзиховского (1986) и А.М. Эткинды (1990), в которых их авторы, по

дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии, 2008, №2, С. 120-136

⁶¹ Zavershneva, E. (in press). The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology. In Yasnitsky, A., van der Veer, R., & Ferrari, M. The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

⁶² См., например, публикации Х. Проктор, Э. Ламдана и А. Ясницкого в готовящемся к выпуску специальном тематическом номере Психологического журнала Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2013, № 2, озаглавленном «У узбеков ЕСТЬ иллюзии!».

⁶³ См. работы Э. Ламдана

сути, ставят два вопроса. Первый вопрос касается перспективы конструктивного развития марксистской, шире—нередукционистской, холистической, исторической и в то же самое время конкретной и приложимой к решению проблем общественной практики—психологической науки. Второй вопрос есть проблема конкретного, неспекулятивного, и основанного на документальных материалах исследования истории советских психоневрологических наук: в первую очередь и особо остро стоит вопрос изучения дисциплинарной истории теоретической и прикладной психологии как транснационального явления. Оба эти вопроса вызывают к жизни разнородные, хоть и порой взаимосвязанные исследования советской психологии. Рассмотрим теперь современные исследования в духе этих двух направлений.

(Продолжение/Окончание следует)